

Инга Даугавиете г. Мельбурн, Австралия

«Золотая Арфа Давида – 2017»

У старого ребё – семья и дом.
В субботу зажечь свечу...
За окнами – сад, размером в ладонь,
Пожалуй, побольше... чуть-чуть.
Котёнок разматывает клубок,
Часы занудно – тик-так.

Но с ним разговаривает Бог.
Не веришь?

А жизнь – проста –
Растить детей, поливать цветы,
Древнейших молитв слова
Шептать. И знать, что единственный – ты –
Всегда во всём виноват.
За то, что вот не такой, как все,
Перечислять – слабó?
В кромешной, адовой пустоте
С тобой беседует Бог.

А всех евангельских катастроф –
Звезда – и вселенский взрыв.
Бояться? Нож (под наше ребро)
В соседском саду зарыт,

Когда всегда – зима ли, весна,
Какая ни есть страна,
И если война – любая война, –
Всегда против нас – война?

Беда опять идёт за бедой,
Тик-так – подсчитывай дни!
У старого ребё – семья и дом,
Барух а-Шем! Элохим Гадоль...

А вечером – ученик.

Казалось

Казалось, закрыть глаза и наступит лето...
Полинь цветы? – Откладываешь вязанье.
Бесследно проходят годы, почти бесследно,
Зеркальный круг отражает забытый замок,
Распущенный гобелен и седые кудри.
Ах да, цветы. Остаётся шагами мерить
Пространство спальни.

Эхо на гулкой кухне
Вздыхает. Играет ветер дубовой дверью,
За окнами – силуэты? – скелеты башен,
Другое небо. Иные, чужие зимы,
И всё вязать, неизвестно зачем, рубашку.

Хотя бы имя вспомнить.
Хотя бы имя.

Помнишь, соседка была, говорила:
«Алла!..»
И замирала, к небу подняв глаза.
В нашем квартале (пять минут от вокзала)
Жить без молитвы было никак нельзя!

Здесь Богоматерь на трёх языках просили
(Все, говорят, дороги приводят в Рим!)
Выпив, кричал Иван, что светлей в России
Солнце. Седой раввин соглашался с ним.

Плыл над кварталом запах вина и хлеба,
Послевоенный запах, хвала Богам!
В городе нашем дороги взмывали в небо,
Бережно огибая последний храм.